

«Не забывайте о моем Бобринском Угору», — завещал в одном из своих последних писем Александр Яшин. Желание поэта исполнили его земляки — ежегодно проводят они здесь праздники поэзии, которые назвали яшинскими. Сегодня в Никольском районе проходит очередной.

Как всегда в нем примут участие сотни никольчан, писатели Москвы и Вологды, родственники Александра Яковлевича.

Я ТОГДА еще не знал его...

Начальник летной части аэроклуба Василий Лукницкий, сказал мне очень серьезно:

— Помни: в полете будь осторожен. Не болно хвастайся своим умением. Развороты на двадцать пять градусов. В кабину садят двое, и ты покажи им Цигломень, ну конечно, сам Архангельск, пусть полюбуются, под каким небом мы живем.

Был июнь 1934 года. Я работал старшим техником в Архангельском аэроклубе, летал в инструкторской группе мастера авиации Паши Воробьева. Небо в тот день было чистое. Около часа я вел самолет над городом, залетал к Архбумстрою, показав с высоты Исакогорку и Цигломень.

Приземлился, но не спросил, кто они? Они сами сказали. Протягивая мне руку для пожатия в знак благодарности, тот, что повыше ростом, отрекомендовался:

— Я—Александр Яковлевич Яшин, а для тебя Саша.

Второй был секретарь крайкома комсомола Красовицкий. Вот с этого-то дня и началась наша дружба.

Как-то в явварскую службу, после полетов с курсантами аэроклуба я усталый вернулся домой. На пороге меня встретила жена и с какой-то настороженностью прошептала:

— Пришел поэт Яшин.

Я обрадовался, спросил: — Где он?

— В сараюшке, дрова колет. Какой-то чудной парень, а поэт. Пришел в избу, поздоровался, спросил где ты, я ему ответила, а он говорит: «Дайка мне топор, пойду физкультурой займусь».

Я сразу в сарай, увидел его, крикнул:

— Бог помоги, Саша!

Саша повернулся на крик, улыбнулся:

— Не то ты сказал,—поиски он,—не богу, а топору кланяюсь. Добро наточен и топориче—что надо: о него руки не смозлишь, гладкое. Еще бы поколол, да в путь пора. Сегодня в институте буду свою «Алену» Фомину читать.

В этот вечер, тут же, в сараюшке, мы договорились, что Саша завтра к двенадцати придет на аэродром, и я покажу ему землю с высоты.

Саша, как видно, любил точность, явился вовремя. И дал ему теплый курсантский шлем с очками, посмотрел в его лицо. Куда-то исчезла рассеянность, он весь был собран, глаза искрились. Летчик в полете должен быть всегда серьезным, расторопным.

Прямо с влета я ввел самолет в боевой разворот, а когда выровнял его, спросил в СИУ (самолетно-переговорное устройство):

— Ну как, нравится?

— Сносно!—Ответ был короткий.

Набрав высоту в полторы тысячи метров, я ввел самолет в зону над Юрасом и пошел «отчебучивать» высшего пилотажа, который знал как самого себя. Расчалочные ленты самолета занесли, земля закружилась.

— Веду самолет на мертвую петлю!—кричу я в СИУ.

Саша слышит, отзывается: — Валяй!..

Я смотрю в зеркало и вижу лицо Яшина.

— Не у тещи, брат, на блинах. Зевать нельзя.

Добро сказано. Молчу, веду самолет на посадку.

Яшин вылезает из кабины, сияет, а мне шепчет:

— Все видел. Юрас и Шилловские острова и Архангельск сказочный, Кого и Гневашово чудны.

Яшин подает мне шлем, берет чемоданчик в руки, говорит:

— Забегу вечером, послыдем рядком, поговорим ладком.

В тот вечер мы просидели долго. О стихах не говорили, всякую литературу стороной обходили. Наш разговор был о северной красоте, о диво-дивном русском лесе, о землянике и почему-то об одноглазой камбале.

18 МАЯ тридцать пятого года три самолета «Амфибии Ш-2» с просторов Северной Двины поднялись в воздух. Так начался Большой Северный перелет. Вели их летчики Архангельского аэроклуба имени первых пяти Героев Советского Союза: Носов, Будаев, Воробьев, Твердов и Богачев.

Шестьдесят дней в полете, восемнадцать тысяч километров воздушного пути—таков итог первого в крае большого перелета. Александр Яковлевич Яшин откликнулся на это событие песней.

Высоко, высоко
Над густой осокой,
Над землей,
Где в росах зелена трава,
Вьется светлый сокол.
То не светлый сокол—
Это наш Ефимушка—
Буйна голова.
Здравствуй, Ефимушка,
Летчик наш.
Опустись, Ефимушка,
Голубь наш.
Посидели губоньки
У тебя, голубенький,
Голубочек любонький,
Любый наш.
Береги, Ефимушка,
Самолет,
Не снижай, Ефимушка,
Свой полет,
За тебя, голубенький,
Голубочек, любонький,
За тобой, голубенький,
Весь народ.
(«Правда Севера», 18 июля 1935 года).

На вечер, который краевые организации устроили в честь завершения перелета, я встретил Сашу. Он обнял меня, поцеловал, тихо спросил:

— Читал?

— Ага.

— Тебе посвящено...

...**Б**ОЛЬШЕ тридцати лет я о Яшине мало что знал. Читал его стихи, напечатанные в толстых журналах, книги, и понял, что Саша вышел на широкую дорогу, которую торил сам. Я был рад за земляка, не забывающего свою Вологодчину и свой воспетый Бобринский угор.

О встрече с ним я больше не думал и вовсе не надеялся на нее.

Но вот паша встреча с Александром Яковлевичем состоялась в августе 1967 года.

После войны я переехал на постоянное местожительство на Вытегорскую землю, ближе к большому озеру Онега. Полюбил эту землю, с ней сроднился, и она стала мне мила, как дом, в котором родился.

...В тот день я был на рыбалке. Клев был отменный. Мне удалось выудить с десятка крупных лещей, язей и несколько судаков. Запятые это прервал влук Юрка. Он прибежал на берег канала потный, раскрасневшийся и, задыхаясь от быстрого бега, выпалил все разом:

— Ступай, дед, домой, за тобой пришли, тебе надо на вечер в клуб речников, туда поаехали...

А кто поаехал, Юрка так и не вымолвил, забыл, хотя в пути до самого канала твердил одно и то же — «будут

— Обманывать себя не надо. Знаю. О тебе читал. Сердце, перенесшее два инфаркта, уже не помолодеет.

— Но и стариться не будет, — опять возразил я.

Любители поэзии ждали, что Яшин прочтет «Вологодскую свадьбу», а он прочел для них свои новые стихи.

И вот вечер окончен, Яшин попал в кольцо вытегорцев, давал им автографы, отвечал на вопросы. Я понял, что сегодня Александр Яковлевич для меня недоступен, и разговора с ним не будет. Не простившись, я ушел домой. Часов в пять утра заставил себя уснуть, поспать пришлось недолго. Пришли гости, Яшин с ними.

Уселся на диван. Александр Яковлевич сразу спросил:

— Что написал за годы разлуки?

Я показал ему семь книг, изданных в разные времена. Он улыбулся:

— Значит, не зря жил.

— Может быть, — ответил

красоты, и ее нельзя обойти, как нельзя от нее уйти.

Потом Яшин попросил умения блокнот и своей рукой написал свой московский адрес.

— В Москве будешь, обяза- тельно заходи. И милости прошу на мой Бобринский угор. Сейчас бы с тобой скатался туда, да больно недосуг. Хочу поглядеть «Кижки», оттуда в Петрозаводск и домой.

Расставаясь с Яшиным, я подарил ему миниатюру «Покровская церковь».

— Спасибо, — пожал мне руку, — не зря я писал «Девичью песню». Она про тебя и для тебя.

Уехал Александр Яковлевич, а мне не верилось. Он был в Москве, а находился рядом со мной. Через месяц он послал мне посылку с лимонами и апельсинами, коротко писал: «Это для тебя и для твоего сердца». Через полмесяца я снова получил от него увесистую посылку, и опять же с лимонами.

По своему характеру я не мог оставаться должником и в начале декабря послал миниатюру «Преображенская церковь». 26 декабря 1967 года мне вручили от него телеграмму: «Потрясен красотой подарка, бесконечно благодарен. Смотрите 30 декабря в 21-15 по телевидению «Театральные встречи». Показываю народу подарок. Поздравляю с Новым годом. Яшин».

И вновь я увидел Яшина. Он сидел рядом с Михаилом Жаровым. Показывая зрителям мою резьбу, он рассказал им о первых наших встречах в Архангельске. Я видел его на экране, и казалось мне, что из московской телестудии он смотрит на меня, а его глаза мне еще раз напоминают о самом главном в жизни, о совести и чести человека. Да, мы прожили большую жизнь, порой очень трудную, но ни на что не променяли своего первородства.

...Когда я узнал, что Александр Яковлевич умер, и его похоронили между двух кудрявых берез на угоре подле реки Юг, мне не верилось в это, и сейчас я тоже не верю. Яшин живет в народе, он подальше меня. Он живет в моем сердце как самый родной и близкий человек.

Воспоминания о поэте

РОДНОЙ ПО КРОВИ

Е. ТВЕРДОВ

выступать такие, какие сами сочиняют.

Пришел в клуб. Пробрался сквозь толпу любителей поэзии в артистическую комнату, зашел и — увидел его, Сашу, таким же скромно одетым и таким же улыбуемым.

— Здравствуй, Ефимушка, голубь наш, — проговорил он вполголоса, тиская мою ладонь. — Старик ты, Ефимушка, и борода у тебя седая, звать, много дорог протоптал.

— А сердце по-прежнему молодое, — перебил я Яшина.

Он вздернул брови, покачал головой:

я. — «В лесах Пропежья» читал?

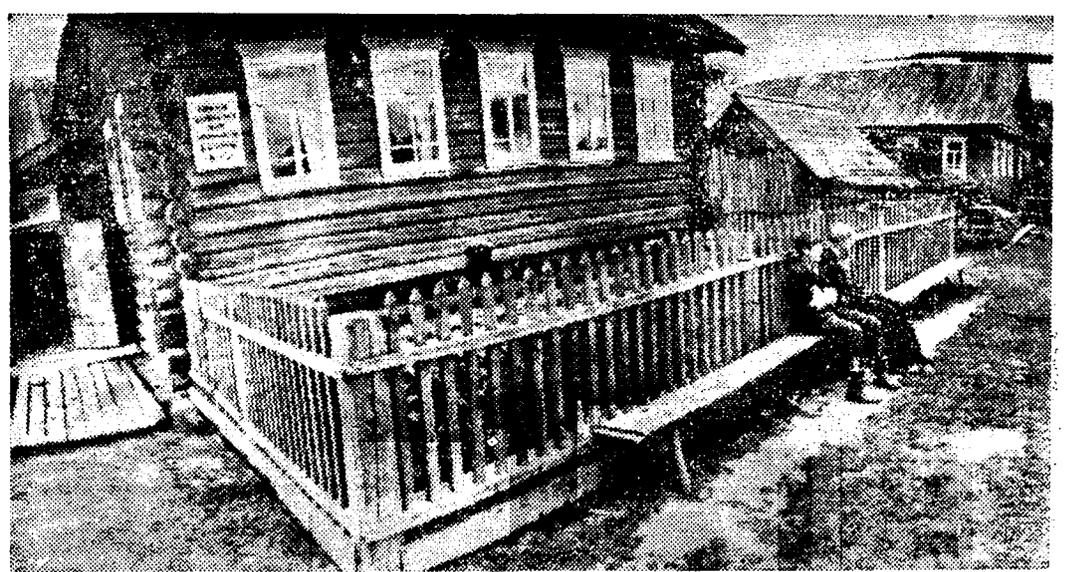
— Как же. Такую книгу пропустить не мог. Она привела меня к тебе. Добрый в ней язык, наш, северный, а по нему народ изголодался.

Я не ждал такой высокой оценки моего творчества, немного засмутился и решил разговор перевести на другую тему:

— Мою резьбу по осинке видел?

— Как же. Вся наша милая компания смотрела. Это — воплощение нашей Северной

ПО ЯШИНСКИМ МЕСТАМ

В этом доме родился А. Яшин.

Музей.